

)

Возможно, из-за того, что все видели его отвратительное отношение к Мэн Сянвэню, у многих на душе остался неприятный осадок. С тех пор признаний в любви Ци Шуюэ и правда получал куда меньше – по крайней мере, в лицо больше никто не осмеливался признаваться. А все те страстные признания, что забивали его почтовый ящик, автоматически улетали в спам – Ци Шуюэ даже не заглядывал туда.

Его студенческие будни тянулись уныло и однообразно. Ци Шуюэ не вступил ни в один клуб, отказался от должности старосты группы, которую ему навязывали, и каждый день после пар просто зависал в общежитии, играя в телефоне. Он вёл до смешного... затворнический образ жизни.

Многие считали, что с такой внешностью Ци Шуюэ должен вести безумно яркую и насыщенную студенческую жизнь.

На самом же деле Ци Шуюэ просто с замиранием сердца ждал начала сюжета.

В один прекрасный день привычный холодный напиток, который Гуань Е обычно покупал ему, сменился на горячий. Беспечно покусывая трубочку и слушая, как Гуань Е напоминает ему «не обожгись», Ци Шуюэ вдруг отчетливо понял: рубеж конца света настал.

Система четко не указывала время падения мира, удавалось лишь определить, что сам сюжет и вспышка эпидемии зомби начнутся глубокой ночью в какой-то из дней его первого года обучения.

В самом начале апокалипсиса температура воздуха падала до небывалых отметок.

Повсюду начинали клубиться черные туманы, идти черный дождь и падать черный снег. И чем сильнее проявлялись эти аномальные явления, тем выше был шанс, что после конца света это место превратится в зону высокой степени заражения.

Огромная часть людей мутировала в зомби, кто-то отделался испугом и остался цел и невредим, а крошечный процент «избранных небесами» пробудил сверхъестественные способности.

В тот год погода стояла просто безумная: начавшись летом, жара шпарила аж до самого декабря, не оставляя и намека на то, что грядет какое-то там «аномальное похолодание».

Но стоило настать этой неделе, как температура рухнула в один миг. Ветер резал кожу, как лезвие ножа, и студенты, замерзая до синевы, спешно перерывали чемоданы в поисках пуховиков, жалуясь, что столбик термометра ведет себя точь-в-точь как аттракцион свободного падения.

Никто и помыслить не мог, какие потрясения ждут их впереди.

Однако, несмотря на это, учебу никто не отменял.

Каждое утро выдирать себя из теплой постели было настоящей мукой для Ци Шуюэ. Что может быть хуже осознания того, что мир катится к чертям, но ради приличия всё равно нужно тащиться на пары сквозь пронизывающий ледяной ветер, лишь бы не вызвать подозрений?

Он жутко не любил холод, поэтому натягивал на себя столько одежды, что превращался в капусту. На голове красовалась пушистая шапка с кошачьими ушками (которую выбрал Гуань Е), а шарф, составляющий с ней единое целое, наглухо закрывал нижнюю половину лица. Гуань Е боялся, что из-за такой экипировки тот не заметит дорогу и грохнется, поэтому всю дорогу крепко держал его за руку.

Изредка попадавшие навстречу прохожие то и дело останавливались, чтобы окинуть его любопытным взглядом... Видимо, они никогда раньше не встречали настолько мерзлявого человека.

Краем уха Ци Шуюэ расслышал, как проходившие мимо девчонки захихикали, бросая слова вроде «милота» и «котик», и озадаченно покрутил головой: где? Какая еще кошка?

Он вообще-то тоже обожал котиков и с радостью бы потискал хоть одну, но не успел найти источник звука, как Гуань Е уже потащил его быстрым шагом в сторону учебного корпуса.

Всегда говорят, что тяжелее всего перед рассветом, но сумерки, когда ты точно знаешь, что вот-вот опустится тьма, уступают ему разве что самую малость.

Из-за тяжелых мыслей в голове Ци Шуюэ последние дни ходил сам не свой и прямо на лекции неожиданно для себя заснул. Он очнулся только от звонка, возвещающего об окончании пары, приподнялся с плеча Гуань Е и сонно зажмурился, когда услышал над самым ухом тихий голос:

– Хочешь поехать домой?

Ци Шуюэ проснулся в мгновение ока, весь сон как рукой сняло:

– Какой еще домой?!

– Если хочешь попутешествовать и развеяться, я не против.

От этого паники у Ци Шуюэ прибавилось еще сильнее: сюжет вот-вот начнется, если он сейчас сорвется куда-то в поездки, всё же полетит к чертям! Выпалив целую очередь возражений, он с подозрением покосился на телохранителя:

– Ты... Гуань Е, признайся, ты что, отгул выпросить хочешь?

Иначе с чего бы ему всеми правдами и неправдами пытаться вывезти его отсюда? Но в такой критический момент этому ни за что не бывать! – твердо решил про себя Ци Шуюэ.

Гуань Е: – ...

Наконец Гуань Е произнес:

– Ты в последнее время сам не свой.

Ци Шуюэ никак не ожидал, что, как бы он ни старался притворяться обычным, эмоции всё равно просочились наружу и он спалился. Замявшись, он пробормотал:

– Да нет же.

– Из-за Мэн Сянвэня? – в лоб спросил Гуань Е. Его темные глаза смотрели с какой-то бездонной, пугающей хмуростью, похожей на застоявшуюся черную воду. Не дожидаясь ответа, он добавил: – Он больше не придет к тебе.

Тема свернула в такую непредсказуемую сторону, что Ци Шуюэ потребовалось немало времени, чтобы переварить услышанное. Он лишь удивленно протянул тихое «а», а затем снова отмахнулся:

– С ним это никак не связано.

Гуань Е на секунду замолк и обронил:

– Забудь.

Забыть что?!

Ци Шуюэ не удержался от мысленного фыркания: вечно этот Гуань Е изъясняется какими-то загадками.

В такую погоду стоило только открыть рот, как в легкие тут же врвался ледяной воздух, и Ци Шуюэ вовсе не горел желанием продолжать пустые разговоры. К тому же он до сих пор не забыл утреннюю обиду, когда Гуань Е не дал ему погладить кота. А теперь телохранитель еще и напугал его своими странными речами. Рассердившись окончательно, Ци Шуюэ решил игнорировать его и молчал весь оставшийся вечер вплоть до возвращения в общежитие.

Глубокой ночью Ци Шуюэ продрог до костей и проснулся.

Они с Гуань Е жили в двухместной комнате на территории кампуса. Официальной причиной отказа от аренды квартиры за его пределами было то, что первокурсникам строго запрещено жить вне кампуса. Но на самом деле родители считали, что с самого детства у Ци Шуюэ было слишком мало друзей и он рос слишком замкнутым, поэтому надеялись, что он прочувствует нормальную студенческую жизнь и попутно обзаведется приятелями. Разумеется, эти ожидания с треском провалились.

За плотной шторкой кровати мерцал слабый свет какого-то луча. Ци Шуюэ, протирая сонные глаза, поднялся, накинул висевший рядом халат и сонным голосом позвал:

– Гуань Е.

Одновременно с этим он раздвинул шторы и замер: Гуань Е стоял на стуле, зажав во рту фонарик, и возился с чем-то под потолком. Услышав голос, он обернулся, и луч фонарика случайно полоснул прямо по лицу Ци Шуюэ.

Увидев эту картину, Ци Шуюэ почему-то нашел ее донельзя комичной. Он поинтересовался:

– Ты чем занимаешься?

- Свет отключили, кондиционер тоже вырубило, - ответил Гуань Е. - На улице снег идет. Холодно?

Реакция Ци Шуюэ немного затормозила, он послушно кивнул из постели:

- Угу.

И только тут до него дошло: подождите-ка, снег?!

Вспомнив предупреждения о том, что перед концом света пойдет «черный снег», Ци Шуюэ миг протрезвел, а его лицо заметно посветлело.

В глазах Гуань Е это выглядело так, будто парня прохватило до самых костей.

Слегка нахмурившись, он выдал непривычно много слов:

- Неизвестно, когда дадут свет, во второй половине ночи станет еще холоднее. Вызвать водителя, чтобы тебя забрали домой, или снимем номер в отеле на ночь?

Придя в себя, Ци Шуюэ первым делом отрезал:

- Ни за что.

Ему нельзя уходить из университета. А вдруг как раз в этот момент начнется сюжет?!

Помедлив пару секунд, Ци Шуюэ смягчил голос, добавив в него ленивую, сонную нотку:

- Спать хочу, никуда не пойду.

Гуань Е:

- Я тебя на спине донесу.

Ци Шуюэ:

- И так не хочу, на улице жуткий дубак, я чуть от холода не окочурился... Перебьюсь как-нибудь эту ночь.

Гуань Е ничего не ответил, словно молчаливо соглашаясь. Ци Шуюэ медленно закопался обратно в одеяло, но мысли роились в голове, и уснуть он уже не мог. Вскоре до его слуха донесся тихий скрип открываемой и закрываемой двери.

Ци Шуюэ: «??»

Гуань Е и правда ушел.

Что за черт? Ци Шуюэ был готов взбеситься. Стоило ему пару раз отказать, как этот тип среди ночи взял и сбежал из комнаты, бросив его одного! Вот же у Гуань Е невыносимый характер!

Ладно еще в обычное время – хотя Гуань Е и числился его телохранителем, на территории кампуса царила абсолютная безопасность, ушел и ушел.

Но сейчас на пороге стоял конец света! А вдруг именно этой ночью...

Из-за выпавшего снега у Ци Шуюэ и так было тревожно на душе, а обнаружив, что комната опустела и он остался совсем один, он испугался еще сильнее. Чем больше он думал об этом, тем страшнее становилось, и он забился глубоко под одеяло, не в силах остановить мелкую дрожь в теле.

Он ведь на самом деле ужасный трус.

Даже от одних только фантазий его нервы натягивались до предела.

Хотя на словах он подготовился и ждал старта сюжета о конце света, Ци Шуюэ совершенно не представлял, что ему делать, когда придется столкнуться с этими монстрами лицом к лицу. Он отродясь толком не смотрел фильмов ужасов, а его швырнули в этот смертельно опасный мир едва ли не сразу после совершеннолетия. Разве мог он не паниковать?

Как же страшно...

Ци Шуюэ постепенно сжался в комочек – самую беззащитную позу, – ресницы его от влаги покрылись легкой дымкой, а уголки глаз начали предательски розоветь.

В этот самый момент посчастливилось услышать, как проворачивается дверной замок.

Его тело мгновенно напряглось от страха: казалось, те самые жуткие зомби из его кошмаров собираются ворваться прямо в комнату. И лишь в последний момент до нервно соображающего мозга Ци Шуюэ дошло, кто это, и он робко окликнул:

– Гуань Е?

– Ты проснулся?

Ци Шуюэ резким движением отдернул занавеску и швырнул подушку прямо в Гуань Е.

Тот даже не попытался увернуться – да и как, если стоило ему поднять взгляд, как перед ним предстал Ци Шуюэ с покрасневшими от слёз глазами. Внутри у Гуань Е всё болезненно сжалось, а на его красивом, но суровом лице впервые промелькнуло растерянное выражение человека, который совершенно не понимает, что делать. Сделав пару шагов вперед, он ухватился за лестницу и снизу вверх уставился на Ци Шуюэ так, будто в следующую секунду собирался легко и ловко запрыгнуть наверх. Первым делом он спросил:

– Я разбудил тебя?

Вторым вопросом, уже с нахмуренными бровями и блуждающим взглядом по покрасневшим глазам Ци Шуюэ, было сдавленное, с выступившими на руках венами:

– Тебе приснился кошмар? Или что-то случилось?

Увидев, как резкое, близкое лицо Гуань Е наконец возвращает ему ощущение реальности, Ци Шуюэ на секунду замер, и его бушующие мысли понемногу улеглись. Сообразив, что его реакция была чересчур бурной и выглядела совсем ненормально, он отвернулся, всё еще пытаясь звучать предельно раздраженно:

– И кто в этом виноват?

– У тебя вообще совесть есть? Стоило сказать пару слов поперек, как ты посреди ночи взял ноги в руки и свалил, оставив меня в комнате одного! – по мере монолога нос у Ци Шуюэ снова начинал забавно щипать. Он часто-часто замигал, прогоняя подступающие слезы. – А если бы я остался один и на меня кто-то напал?

– Никто бы на тебя не напал, – тут же ответил Гуань Е. – И я не бросал тебя... Прости.

Гуань Е извинился.

Он произнес это предельно серьезно:

– Я боялся, что ты уснешь, поэтому вышел, ничего не сказав. Прости, больше такого не повторится.

Только Ци Шуюэ собрался допытываться, какого чёрта тот вообще поперся среди ночи на улицу и не было ли это отговоркой, как Гуань Е с самым невозмутимым видом поднял вверх руку с зажатым в ней предметом:

– Ходил за вот этим. Ночью холодно, поддержишь, станет полегче.

В руке Гуань Е держал самый архаичный резиновый грелочный мешок для горячей воды. Уродливого цвета, источавший легкий, не самый приятный запах пластика, но совершенно новый, пышущий жаром – почти до обжигающего.

В эпоху повсеместного распространения электрических грелок оставалось только гадать, где Гуань Е умудрился откопать эту древность.

Отыскав старый фланелевый чехол и кое-как натянув его на грелку, Гуань Е наконец протянул ее Ци Шуюэ строго наказав:

– Осторожнее, не обожгись.

Ци Шуюэ растерянно принял грелку. Ночная зябкость отступила от одного прикосновения к теплу; чужая услужливость связала по рукам и ногам, и продолжать капризничать было уже стыдно. На ресницах еще дрожала влажная дымка, он глупо пробормотал «угу», прижал грелку к груди и забился обратно под одеяло.

Честно говоря, сказать, что было прямо жутко холодно, нельзя – пуховое одеяло грело отлично, вот только кончик носа и щеки нещадно колот колючий мороз от открытого воздуха. Стоило приложить грелку к лицу, как по коже разлилось блаженное тепло.

Но спать Ци Шуюэ определенно расхотелось.

Он прекрасно понимал: дело вовсе не в погоде. Бессонницу порождал животный страх перед надвигающимся апокалипсисом.

Точно так же, как замерзающий человек инстинктивно тянется к огню, в условиях полной неопределенности Ци Шуюэ подсознательно жался к сильному существу. Он знал, что Гуань Е с легкостью свернул бы шею любому зомби, и пока этот человек рядом, он находится в абсолютной безопасности...

– Г-гуань Е.

Тихо позвал он.

– Мм?

Гуань Е, судя по всему, и не ложился, отозвавшись мгновенно.

– Всё равно холодно, – произнося это, Ци Шуюэ сам чувствовал себя невыносимо капризным, и его щеки неожиданно для него самого залились краской смущения. Не дожидаясь ответа, он жалобно, с максимальной мягкостью в голосе заскулил: – М-можно... можно я лягу с тобой?

Гуань Е: – ...

Гуань Е: «...Неудобно».

Не согласился, но и прямого отказа не последовало.

Уж в чем-бы в чем, а в умении уговаривать Гуань Е Ци Шуюэ преуспел сполна.

Воспользовавшись тусклым светом из уличного фонаря и экрана телефона, Ци Шуюэ с грелкой подмышкой слез с кровати и жалобно заныл:

– Да нормально всё будет, Гуань Е, я сплю очень тихо, места займу... ну совсем чуть-чуть.

Конструкция их кроватей представляла собой стандартный комплекс «стол внизу, кровать наверху», но условия в общежитии были сносными, и ширина матраса составляла добрых полтора метра – вдвоем уместиться вполне можно было без особого труда.

Ци Шуюэ подумал, что Гуань Е наверняка дорожит своим личным пространством – мало кому понравится делить столь интимную зону, как постель, с посторонним. Даже сам Ци Шуюэ в обычных обстоятельствах ни за что не полез бы спать к нему под бок. Поразмыслив пару секунд, он скрепя сердце пошел на уступку:

- Л-ладно, можешь прийти ко мне на кровать, если хочешь.

Гуань Е: - ...

Не дождавшись ответа, Ци Шуюэ остался стоять внизу. В пушистых домашних тапочках, обнимая грелку и накинув лишь пижаму кошачьего фасона поверх тонкого шелкового белья для удобства (от утепления он отказался), он продрог до мурашек. Свет с балкона падал на его рассыпанные по плечам серебристые волосы, и в этот момент он до боли напоминал брошенного котенка-альбиноса - несчастного, дрожащего от холода и шепчущего едва слышно:

- Мне так холодно...

В следующий миг Гуань Е глухо бросил:

- Лезь наверх.

В этом тоне послышался едва сдерживаемый скрежет зубовой, но Ци Шуюэ было абсолютно плевать. Глаза его радостно блеснули, он скинул тапочки и резво карабкался по лестнице вверх.

Гуань Е включил фонарик и протянул ему руку, помогая подняться, а Ци Шуюэ на автомате всучил ему грелку:

- Подержи.

Гуань Е: - ...

А Ци Шуюэ уже залез.

<http://bllate.org/book/18797/1870123>